

За нашу Советскую Родину!

ОБРАЩЕНИЕ Командующего войсками КОР

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, старшины и офицеры! Весь советский народ, все миролюбивое человечество выразило искреннее удовлетворение по поводу мудрого решения Советского Правительства об объявлении состояния войны между Советским Союзом и Японией.

Наступил предел терпению и советского народа. Импералистическая Япония — злейший враг Советского государства. Слишком долго, в период интервенции, японские захватчики причинили неисчислимы бедствия и страдания труженикам Дальнего Востока.

В суровые годы Великой Отечественной войны импералистическая Япония, до самого разгрома Германии, являлась нашим главным врагом. После разгрома фашистской Германии и ликвидации очага войны в Европе, единственными средствами, способными приблизить наступление всеобщего мира, является разгром очага войны на Востоке — импералистической Японии.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины и офицеры, будьте на выполнение боевого задания! На полях Маньчжурии японские захватчики на спешившей уже испытывают мощные удары Красной Армии. Завершена по всем фронтам импералистическая Япония. Пришел долгожданный час, когда и войскам Камчатки, и флоту внести свою долю в общее дело разгрома врага. Войска Камчатского Оборонительного Района получают боевой приказ отстоять от японских захватчиков неслыханные Курильские острова и воздвигнуть на них Знамя Победы.

Все наши силы, умение и упорство должны быть направлены на выполнение боевого приказа! С честью выполним свой долг перед Родиной!

Наша цель ясна и благородна: ускорить наступление всеобщего мира, освободить народы, ставшие жертвой агрессии, от мук и страданий.

Все силы на разгром злостного врага! Коммунисты и комсомольцы, будьте впереди рядов борцов против японских захватчиков!

Своей героической борьбой приумножили славу советского члена!

Да здравствует наша великая Родина — могучий оплот свободных народов и мира между народами!

Моя мудрым руководством Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища СТАЛИНА — вперед на разгром врага!

СМЕРТЬ ЯПОНСКОМУ АГРЕССОРУ!

Командующий войсками КОР

Генерал-майор А. ГНЕЧКО.

15 августа 1945 г.

Типография Н-ской части

(Материал читайте
на 3-й стр.)

Курильский рубеж

(Продолжение.)

Начало в № за 13 августа)

ГИТЛЕРОВСКАЯ Германия капитулировала. Но ровно через три месяца, то есть 8 августа

1945 года советское правительство объявило СССР в состоянии войны с Японией, и сразу же наша авиация начала бомбить японские войска в Маньчжурии, Корее и на Курилах. Мы же в этот момент усиленно готовились к формированию батальона, который пойдёт освобождать исконно русские земли — Курилы, подбирали моряков. А моряки знали, что работники политотдела уже чабляют людей, и тогда посылались в политотдел сотни докладных, заявлений и просьб, с тем, чтобы их включили в состав батальона. У каждого была своя причина, каждый говорил, что он обязательно должен быть на Курилах, освобождать эти земли, должен отомстить врагу за своих погибших товарищей. А Пётр Ильичёв заявил прямо: «Товарищ комиссар, я не уйду от вас до тех пор, пока вы меня не включите в состав батальона. Я дал клятву матери и односельчанам, что отомщу за отца, который героически погиб в битве с немецко-фашистскими захватчиками». Конечно, нельзя было отказать такому парню, и его включили в списки батальона. Коммунист сержант Витя Чуриков пришёл в отдел и сказал мне: «Товарищ майор, я слышал, что вы назначены комиссаром. У меня в войне с немцами погибли два родных брата, много родственников, поэтому я очень прошу вас, возьмите меня с собой. Я оправдаю доверие народа и партии».

Так же говорили и другие бойцы. Подводник старшина 1 статьи Николай Журавлёв, которого я знал ещё по службе в Совгавани. Этот человек совершенно не был похож на героя: очень скромный. Но чувствовалось, что он будет воевать хорошо. Техник лейтенант Александр Ладынин, работавший начальником склада инженерного отдела, два раза приходил в политотдел, обращался ко мне, к заместителю начальника политотдела, к начальнику политотдела, просил взять его в батальон. Его тоже включили в списки.

Примерно к 15 августа мы выбрали 800—900 человек в батальон, а заявлений было за три тысячи! Но мы же не могли взять всех и оголить здесь главную базу. Ведь на момент объявления войны с Японией в Петропавловске было японское консульство, и, когда провели обыск у кон-

сула, то нашли карту, где были нанесены все огневые точки нашей базы с указанием количества личного состава. Это давало основания полагать, что японцы, зная сколько нас здесь

**Герой Советского Союза
матрос Ильичёв
Петр Иванович.
1945 год**

есть, могут в любое время совершить контрдесант. Также при обыске в одной из бумаг было обнаружено, что на военно-морской базе Катаока на острове Шумшу есть так называемая Халактырская флотилия, которую японцы намечали высадить на Халактырском пляже и захватить Петропавловск-Камчатский. Это нас настораживало, поэтому

мы и население города готовили к тому, что, возможно, здесь мы должны будем предъявить счёт японским

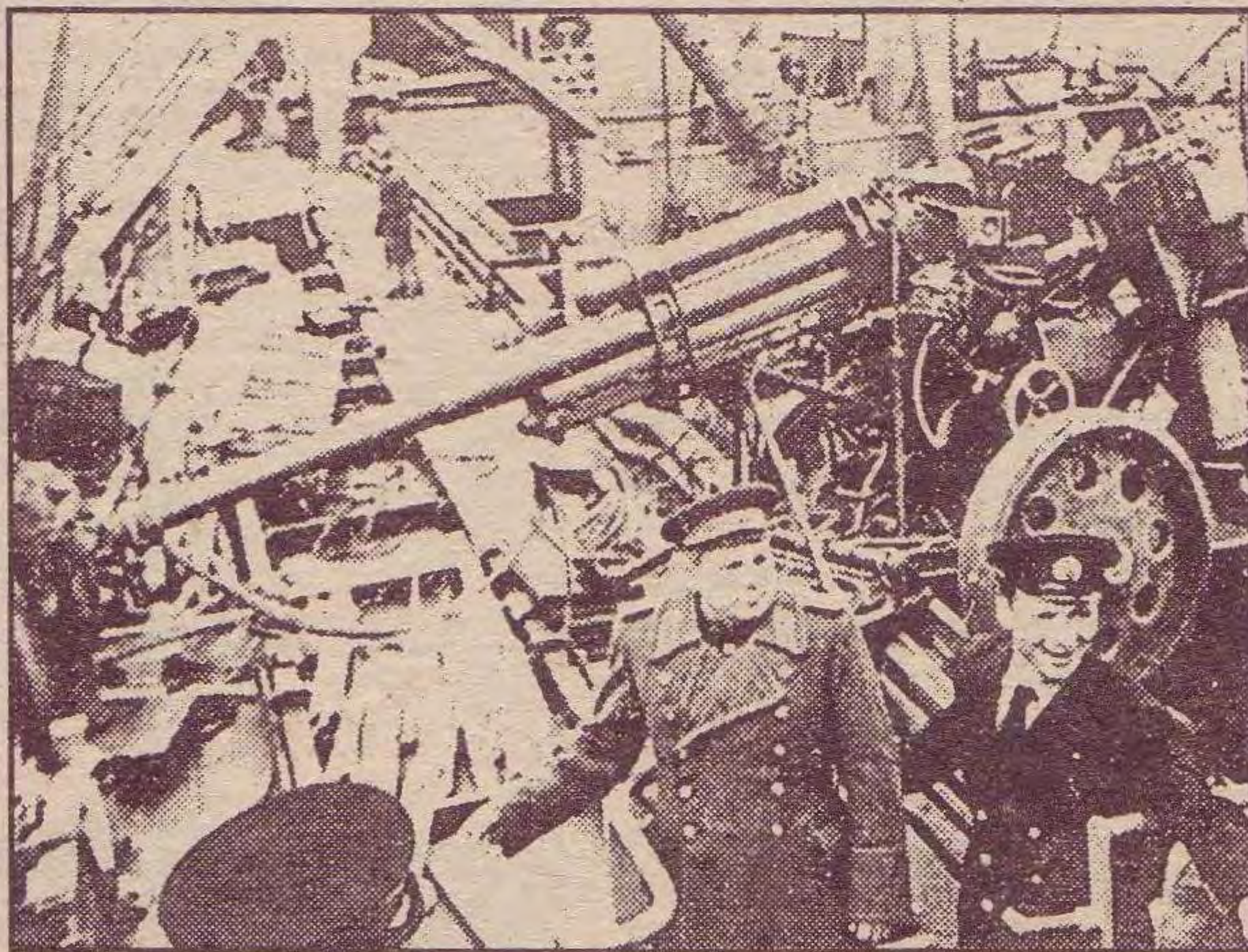
самураям. Проводили митинги и собрания на фабриках, заводах, предприятиях и в учреждениях. К 15 августа были окончательно составлены списки батальона, но, когда в посёлке Индустриальный мы около плавбаз «Север» и «Саратов» начали формирование, туда прибыла группа моряков с автоматами, пулемётами. Они и в списках не числились, но всё равно стали в строй. Когда дали команду построиться и стали разбивать людей на роты, взводы, отделения, то оказалось, что около семисот человек были лишними. Тогда мы были вынуждены быстро провести митинг, убедить краснофлотцев, что и в главной базе нужны будут бойцы. Мы призывали помнить

о том, что и здесь на батареях, кораблях, подлодках и катерах люди должны быть на «товсь», как говорят моряки. Мы сформировали батальон примерно в тысячу человек. Точных данных не было, потому что народ постоянно прибывал, поступали различные приказания: «Включить в списки!», «Взять, раз человек хочет воевать!». Желавших было очень много, потому что у людей наболело, им надоели постоянные провокации японских самураев. Был виден такой боевой подъём у людей, что даже мы — политработники не могли его остановить. Нескольким раз и я, и назначенный командиром батальона Тимофей Алексеевич Почтарёв сами обращались к командующему Камчатским оборонительным районом генерал-майору Алексею Романовичу Гнечко с просьбами взять бойцов в батальон: «Рвутся моряки! Разрешите!». Мы говорили, что это не будет нарушением, ведь моряки узнали, что командующий ТОФ, прислав телеграмму о формировании батальона, указал: максимальный по численности. Вот эта фраза и была краснофлотцами использована с тем, чтобы настоять на своём и попасть в списки батальона. Но больше тысячи мы принимать не стали.

Батальон состоял из рот автоматчиков, роты пулемётчиков, миномётной роты и различных специальных взводов. На вооружении было 400 винтовок, 399 автоматов, 35 лёгких и 10 тяжёлых пулемётов. Я сам в прошлом был командиром пулемётного взвода, потом пулемётной роты, потом партия приказала быть политработником. Бывший кремлёвский курсант, неплохо знающий оружие, я выбрал себе место на левом фланге вместе с пулемётной ротой, чтобы в случае чего можно было лечь за пулемёт.

К вечеру 16 августа мы закончили формирование батальона, а ранним утром 17-го корабли десанта начали выходить из Авачинской бухты. Нас очень тепло проводили руководители области: председатель облисполкома товарищ Павлов, 1-й секретарь областного Камчатского комитета товарищ Петров, секретарь обкома партии товарищ Орлов. Корабли уходили в море с песнями — бойцы пели любимые песни. Мы шли сутки. Дорогой пристреливали пулемёты, автоматы. Проводили митинги, беседы. Люди подавали заявления о вступлении в партию. За период перехода кораблей и транспортов от Камчатки до Курильских островов 56 комсомольцев стали членами партии, а 37 человек подали заявления о вступлении в комсомольскую организацию. Настроение было исключительно высокое.

(Продолжение следует)

(Продолжение.)

Начало в № за 13, 17 августа)

Курильский рубеж

И вот в 4 часа утра 18 августа началась высадка десанта. Этот день запомнился очень тяжёлыми боями с японскими милитаристами. Мы настолько внезапно подошли к укрепленному острову Шумшу, что японцы были ошеломлены. Они не ожидали нас и, прежде всего потому, что считали, что мы не сумеем выставить такого десанта.

С другой стороны, они не ожидали, что мы ударим прямо в лоб. Была штормовая погода, туман, который потом быстро рассеялся. Мы начали опускать трапы. Глубина при высадке была выше человеческого роста. Чиколой Журавлёв с пулемётом прыгнул в воду, потом нырял и под водой тащил пулемёт по дну. Буквально за пять—семь минут он был на берегу и начал вести огонь по боевым

**Командир
Петропавловской
военно-морской базы
(ПВМБ)
капитан 1 ранга
Д. Г. Пономарёв**

точкам противника, который мешал высаживаться нашему десанту. Начался очень сильный огонь: японцы стреляли из сотен артиллерийских, миномётных стволов, крупнокалиберных пулемётов. Даже привозная крепостная батарея из Порт-Артура и та вела огонь по нам. Но и моряки, и батальон армейцев под командованием Петра Шутова, и рота пограничников, которую возглавлял капитан Кожевников и его заместитель по политчасти товарищ Бугров, высадились почти без потерь. Всего было легко ранено семь человек.

Быстро, за семь минут, разгрузились наши десантные суда и пошли за второй очередью десантников.

Японцев, как мы узнали впоследствии, на Шумшу было 8,5 тысячи человек. Нас было 2 тысячи. У японцев на острове находилось огромное количество оружия и всякой техники, вплоть до танков. Позиции были хорошо укреплены: доты, дзоты, целые

сложной. Японцы сбросили против нас всё, что только могли сосредоточить. У них был пристрелян буквально каждый квадратный метр. Но всё равно наш десант их ошеломил.

Как нам потом стало известно, в день высадки нашего десанта командующий северо-курильскими японскими войсками радировал своему императору Хирохито о том, что на остров высаживается дивизия американских моряков. Как говорят, у страха глаза велики! А нас всего был батальон. А потом, когда они услышали наше мощное русское «Ура!», «Полундра!», «Долой японцев!», «Бей самураев!», командующий японскими войсками дал вторую радиogramму, в которой сообщал, что это русские, а не американцы высадились на Шумшу. А впоследствии, когда этот генерал был пленён, на допросе у генерала Гнечко он заявил: «Этот остров я укреплял полтора десятка лет, начинал службу с командира батальона. Для строи-

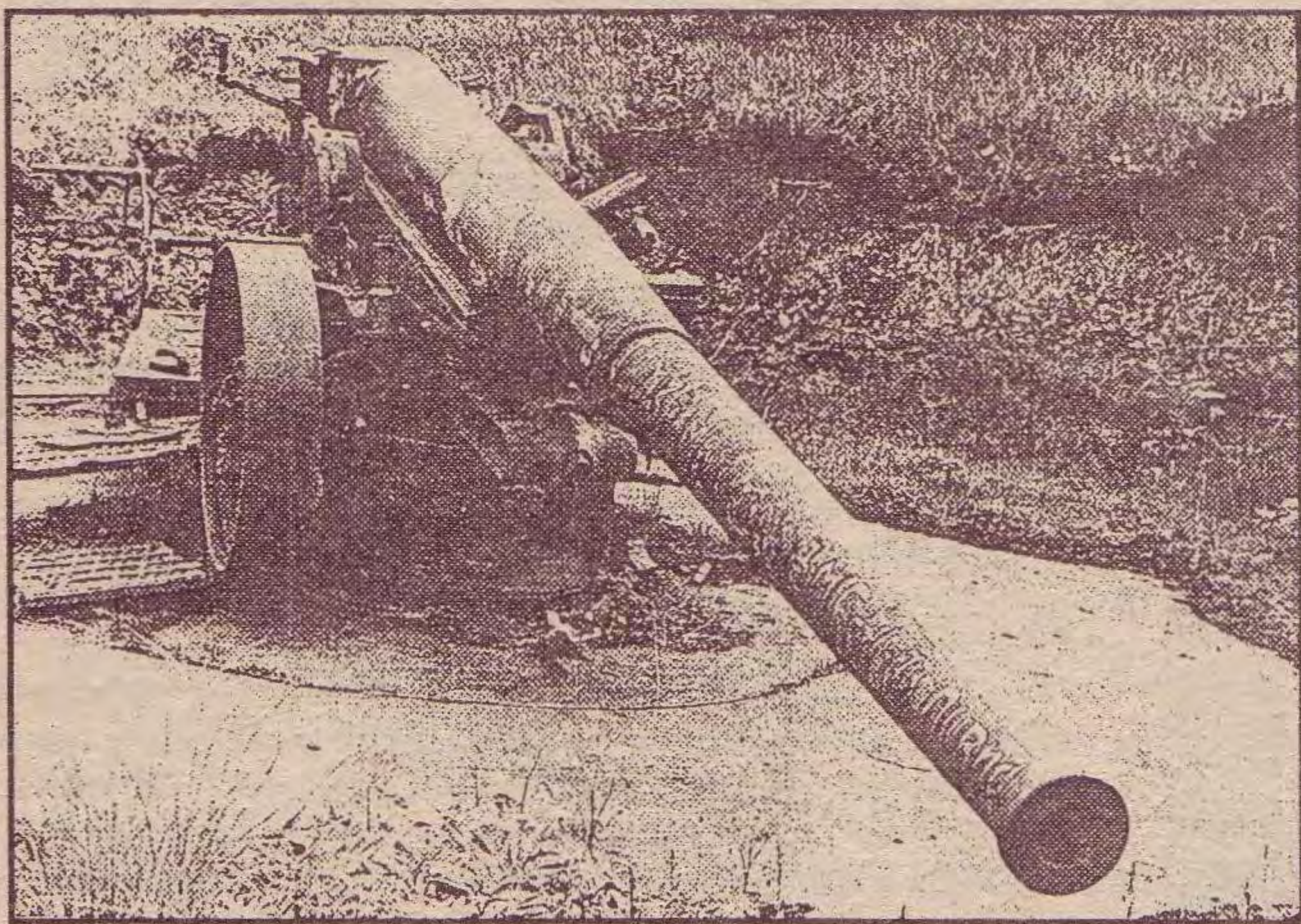
артиллерийские батареи располагались под землёй. В общем, обстановка была очень

тельства на Шумшу было привлечено 75 тысяч китайских военнопленных, которые в течение пяти лет укрепляли остров». Все высоты и прибрежная полоса были, образно говоря, утыканы дзотами и дотами. Везде и всюду были укрепления. Это был остров-крепость. А поскольку японский командующий заявил, что укрепления рассчитывались на высадку пяти американских дивизий, их особенно ошеломило, что нас была небольшая группа. Когда японцы по-

няли, что советский десант немногочисленный, то решили отрезать наши главные силы — два полка, которые шли вторым эшелоном из 101-й дивизии, которой командовал генерал Дьяков. Японцы открыли заградительный огонь на побережье и начали топить десантные суда, с которых мы только что высадились, чтобы не допустить высадки главных сил. А наш отряд решили уничтожить: пытались забросать нас гранатами, когда мы брали первую линию обороны, атаковали, пуская вперёд смертников. В дзотах мы не раз обнаруживали прикованных цепями к крупнокалиберным пулемётам японских стрелков. Это были смертники, которые решили отдать жизнь за своего императора. В море и на берегу буквально всё кипело: рвались снаряды, мины. По нам били и из немецких гранатомётов — это страшное оружие большой поражающей силы. Всё это действовало на наших бойцов психологически. И, конечно, с нашей стороны было некоторое замешательство, но этот страх прошёл сразу, как только морякам удалось зацепиться за берег. Они почувствовали, что это наша русская земля. Они пришли её освобождать, воссоединить с матерью-Родиной.

В те минуты мысль была одна — честно выполнить свой воинский долг перед Родиной, выполнить боевую задачу, поставленную перед нами командованием и народом. Вот так мы и шли вперёд, не считаясь ни с чем. В патристическом порыве взяли первую линию обороны, а затем и вторую. За два часа боёв мы продвинулись вглубь острова на 6—7 километров. Японцы не могли устоять перед нами, как бы ни сопротивлялись, как бы ни засыпали нас снарядами. Даже авиация нас бомбила. Всё это не удержало нас, и мы метр за метром теснили врага. Подошли к высотам 165 и 168. Здесь японцы решили раздавить нас танками. Видя, что нас немного, они решили разбить наш батальон на части, а потом, сбросив в море, уничтожить с помощью авиации и катеров.

(Продолжение следует)

**Одно из орудий до сих пор стоит у подножия
высоты 171. Из него японские самураи вели
жестокий огонь по подошедшим кораблям
с советскими десантниками.
Фото мичмана А. Рыжакова**

(Продолжение.)

Начало в № за 13, 17, 20 августа)

В один из моментов кто-то из наших бойцов прокричал: «Танки!», «Ползут гады!», «Смотрите: пять, восемь, одиннадцать, восемнадцать!». Танки гудели вовсю и шли на наш левый фланг.

Перед танками оказался техник-лейтенант Саша Ладынин со своей группой в пять человек: старший сержант Иван Кобзарь, сержант Степан Рындин, старшина 2 статьи Пётр Бабич, старший матрос Михаил Власенко, матрос Пётр Ударцов. Как рассказывал мне потом Михаил Власенко: «Конечно, вначале, когда с горы на тебя на полном ходу идёт целая колонна танков, было страшно». И в этот момент Александр Ладынин дал команду: «Танки! Приготовиться к бою! Стоять будем насмерть! Назад ни шагу! Поклянёмся же, моряки, что мы не пропустим врага в тыл батальона!». В ответ все, не сговариваясь, крикнули: «Клянёмся!». А перед этим группа Ладынина уже участвовала в бою. Саша Ладынин, Пётр Бабич, Пётр Ударцов были ранены. И вот, несмотря на то, что Саша Ладынин чувствовал себя плохо, из раны на шее шла кровь, он попросил приготовить ему связку гранат и мину и первым начал перебежками продвигаться вперёд. Все бойцы заняли позиции. На головном танке люк был открыт, и видно было, что там сидит японский офицер и держит в руках знамя Страны восходящего солнца. Саша Ладынин так удачно бросил связку гранат, что попал прямо в люк. Танк вспыхнул, как свеча. Но и Саша Ладынин от мощного взрыва был контужен, несколько секунд даже не шевелился. К нему подбежал Иван Кобзарь: «Товарищ командир, товарищ командир, впереди танки, отползайте!». Саша ответил: «Куда отползайте! Дай-ка мне мину, я пойду вперёд» и неожиданно быстро поднялся и пошёл в полный рост, прижимая к груди мину. Танк шёл прямо на него и стрелял. Ладынин упал и на коленях пополз вперёд, а японский механик-водитель юлил и пытался объехать его. Но Саша немного приподнялся и бросился под танк. Взрыв!!! Саша взорвал себя и вражеский танк.

В колонне японских танков произошло замешательство, потому что дорога оказалась загромождённой двумя подорванными танками. Третий танк пошёл в обход и вырвался вперёд. Иван Кобзарь, понимая, что наша оборона может быть прорвана и батальон понесёт огромные потери, схватил две связки гранат. Первой подорвал танк, а со

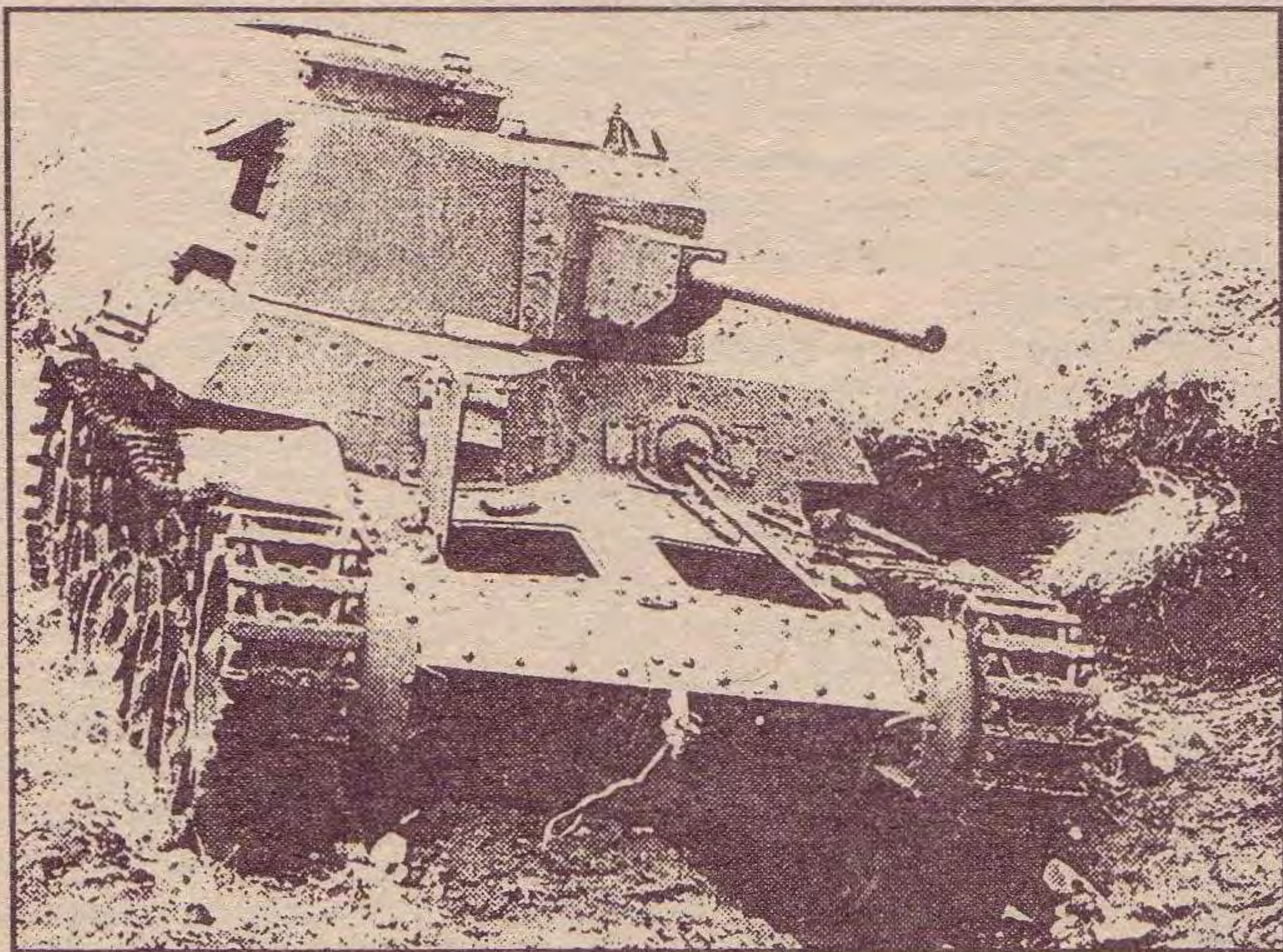

Старшина
1 статьи Бабич
Пётр Владимирович.
1945 год

второй подбежал к другому танку и, выкрикнув слова «За Родину!», бросился под него. Рядом прозвучали ещё взрывы — это Степан Рындин, подорвав один танк, бросился под второй. Пётр Бабич находился совсем рядом с дорогой и свою связку гранат буквально положил под танк. Был страшный взрыв, Петра контузило и отбросило метров на десять. Но он вскочил и увидел, что впереди ещё один танк, а у него нет ни автомата, ни гранат. Пётр попытаться увернуться от тяжёлой машины, но упал на спину, а японский танк начал утюжить его. К этому месту подбежал Михаил Власенко, бросил гранату, но она не долетела до цели. Тогда подбежал ещё один боец из пограничников, который сказал, что нужно во что бы то ни стало вытащить моряка. Михаил Власенко подбил ещё два танка, а третью связку гранат не успел бросить — от очередного близкого взрыва он потерял сознание.

Тяжело раненный в бою Пётр Ударцов не мог двигаться, но он обложился гранатами и успел подорвать ещё один, а это был уже десятый или одиннадцатый по счёту, вражеский танк. Потом подбежали бронбойщики, которые помогли добить танки, и только одной из восемнадцати вражеских машин удалось бежать.

Этот героический подвиг пятёрки

...Александр Ладынин дал команду: «Танки! Приготовиться к бою! Стоять будем насмерть!». Фото мичмана А. Рыжакова

Курильский рубеж

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА КУРИЛЬСКОЙ ДЕСАНТНОЙ ОПЕРАЦИИ ПОДПОЛКОВНИКА В ОТСТАВКЕ АПОЛЛОНА ПАВЛОВИЧА ПЕРМА

ладынинцев, о котором очень мало знают, забыть нельзя. Они отдали свои жизни во имя того, чтобы процветала Родина, чтобы жили будущие поколения. Слава вам, дорогие боевые товарищи! Слава погибшим Александру Ладынину, Ивану Кобзарю и Степану Рындину! Из шестерых бойцов в живых остались трое: Михаил Власенко, Пётр Ударцов и Пётр Бабич, которого чуть не раздавил японский танк.

Я уже рассказывал, что Пётр Бабич во время боя попал под гусеницы японского танка, который утюжил его до тех пор, пока сослуживцы Петра не подоспели на помощь. Когда танковый расчёт был уничтожен, а сам танк удалось отвести в сторону, окровавленного Бабица вытащили. Несмотря на тяжелейшие ранения: у него бы-

ли сломаны четыре ребра, нога, ключица, повреждены глаз и органы слуха, Пётр был жив, и его отправили в санитарный пункт. Только на четвёртые сутки он пришёл в сознание — врачи совершили настоящее чудо, вырвав храброго воина из лап смерти. За героизм, проявленный в бою, Пётр Бабич был награждён орденом Отечественной войны I степени. После войны он уехал в Кишинёв, где женился

и вырастил четверых сыновей.

Продолжая рассказ о Курильской десантной операции, я хочу отметить, что подвиг Саши Ладынина и его группы вселил в бойцов исключительно высокий боевой порыв. Весь фронт узнал об этом героическом поступке, и краснофлотцы поднялись в атаку с возгласами «Ура!», «За Родину!», «Вон, самураи, с нашей земли!», «Бей гадов!», и высоты 165 и 168 были взяты очень быстро. Враг на этом рубеже был повержен и разгромлен.

У японцев из всех укреплённых позиций на Шумшу осталась только высота 171, которую нам предстояло взять. Подойдя к подножию этой высоты, мы наткнулись на особенно серьёзное сопротивление самураев. Но, тесня врага, упорно продвигались вперёд с тем, чтобы добить японцев на Шумшу, разгромить их главный штаб и продолжать освобождать остальные острова Курильской гряды.

(Продолжение
следует)

(Продолжение.
Начало в № за 13, 17, 20,
27 августа)

Курильский рубеж

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА КУРИЛЬСКОЙ ДЕСАНТНОЙ ОПЕРАЦИИ ПОДПОЛКОВНИКА В ОТСТАВКЕ АПОЛЛОНА ПАВЛОВИЧА ПЕРМА

Нас буквально в упор расстреливали из дотов и дзотов крупнокалиберные пулемёты, «поливала» снарядами батарея из двадцати орудий, установленная японцами на танкере «Мариуполь». К слову, это судно в 1943 году во время шторма оказалось выброшенным на скалу у маяка на острове Шумшу. Японцы захватили в плен наших моряков, а на танкере установили артиллерийскую батарею. Она

особенно мешала нам — была по флангу. Когда минный загорадатель «Охотск», сторожевые корабли «Дзержинский» и «Киров» по нашей просьбе начали громить эту огневую позицию врага и мы увидели там взрывы, пламя, дым, а потом батарея совсем замолчала — это невероятно подняло дух наших бойцов. Но впереди у высоты 171 нас снова ждал шквальный огонь противника. К тому же продвигаться сильно мешала гора, которая находилась у нас сбоку, — японцы начали сбрасывать оттуда на нас камни. Ценой невероятных усилий мы всё равно шли вперёд. К примеру, диверсионный взвод, которым командовал старшина Анатолий Белов, забрался в тыл к японцам, перехватил просёлочную дорогу, ведущую на высоту 171, и нанёс большой ущерб врагу: вывел из строя практически половину личного состава и уничтожил два танка. Сам Белов был тяжело ранен. За отличное выполнение задания все бойцы взвода были награждены орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

И вот когда на подступах к высоте 171 мы пытались подобраться к дзотам, все попытки атаковать были тщетными из-за сильнейшего огня противника. Дело дошло до того, что моряки без всякой команды сбросили с себя бушлаты, каски и, оставшись в тельняшках и бескозырках, все как один поднялись в атаку. Кто-то на левом фланге крикнул: «Не отставать!», и бойцы в полный рост цепью пошли на врага. Было большое количество раненых, многие падали замертво. Но и эта атака захлебнулась. Попросить поддержки артиллерии никак не удавалось, потому что не работала рация, а когда пробовали с помо-

щью флажков запрашивать подмогу, от японских пуль гибли наши сигнальщики. Однако мы вынуждены были идти на это, чтобы спасти свои основные силы. Наконец наша артиллерия открыла огонь. Но была штормовая по-

лом навалился на пулемёт, торчащий из амбразуры японского дзота. Второй вражеский пулемёт вдруг тоже замолчал — это за своим товарищем последовал Пётр Ильичёв. Мгновенно наступила тишина. Потом с сильным

и протяжным «Ура!» мы поднялись в атаку, чтобы отомстить за товарищей. Подбежали к ним, бережно сняли тела с амбразур и отнесли в сторону. А затем ринулись вперёд и только вперёд! Ещё три дзота забросали гранатами.

Со мной бежал Витя Тюриков. И вдруг рядом взорвалась мина. Витя упал, и мне показалось, что мой ординарец погиб. Как я ругал себя, что разрешил Вите идти в атаку! Я ведь всё время оберегал парня, а он говорил мне: «Товарищ майор, я должен быть с вами в строю, ведь я в первую очередь коммунист». Но не-

смотря на то, что у Вити было множество осколочных ранений, он весь был в крови и не дышал, меня не покидала надежда, что он жив. Я оставил возле него бойца, а сам продолжил наступление. Через четыре часа мне сообщили, что Витя Тюриков дышит и его отнесли в медицинский пункт. Во время операции из него извлекли 82 осколка, и после этого ранения он прожил ещё 28 лет. Спасала Витю девушка Юлия, которая потом стала его женой. Она вселила в него веру в то, что он будет жить и ходить, что все раны заживут, и пообещала станцевать с ним первый танец после выздоровления. И это произошло через восемь месяцев. Они танцевали, а потом Витя так растрогался, что даже заплакал: он ведь до последнего не верил, что сможет ходить.

(Окончание следует)

Подвиг Николая Вилкова

года, корабли, на которых располагались артиллерийские орудия, сильно качало, а мы находились на обратной стороне высоты, поэтому были такие случаи, когда наши снаряды попадали не только в японских солдат, но и в нас. Артподдержку пришлось прекратить.

Стало ясно, что в первую очередь нужно было любой ценой заставить замолчать японские дзоты. Особенно нас тревожил один двухамбразурный дзот, который, казалось, с особой жестокостью строчил по нам. И в это время мой ординарец коммунист Витя Тюриков прокричал мне: «Товарищ майор, разрешите, я справа подойду и забросаю гранатами этот дзот». Я ему кричу: «Куда ты пойдёшь? Двое пытались зайти справа, и погибли. Нужно идти слева». И тут мы увидели, что двое из наших бойцов уже поползли к дзоту, опередив Витю. «Это подводник коммунист Николай Вилков и матрос комсомолец Пётр Ильичёв», — пронеслось над нашей позицией. Мы прекратили огонь, чтобы случайно не задеть их, и с напряжением наблюдали, как ползут наши моряки к дзотам, а японцы ведут

по ним непрерывный огонь. Порой казалось, что бойцы погибли, но потом они снова начинали движение, и мы вздыхали с облегчением. Вот они доползли до дзотов и бросили в амбразуры свои гранаты. Пулемёты замолчали, выстрелы прекратились. «В атаку!» — прозвучал призыв, но тут же вражеский огонь вновь обрушился на наши позиции. И снова среди наших бойцов десятки убитых и раненых. В этот момент Николай Вилков вдруг вскочил и всем те-

Пленные японские матросы

Разминирование

(Окончание.
Начало в № за 13, 17, 20,
27, 31 августа)

После войны Виктор Тюриков работал на разных руководящих должностях. Все, кто знал его, говорили о нём как о прекрасном человеке, грамотном руководителе и отличном семьянине. Но все эти годы он испытывал постоянные боли. Доктора говорили, что ещё много осколков осталось в теле Виктора Ивановича. И это подтвердилось: спустя годы врачи извлекли из головы Виктора ещё одиннадцать осколков.

Надо отметить, что подвиг Николая Вилкова и Петра Ильичёва настолько поднял боевой дух наших бойцов, что мы с двойной силой продолжили громить самураев. А с падением высоты 171 оборона японцев была окончательно сломлена, и враг начал отступать. Считаю необходимым рассказать и о других храбрых и отважных моряках-тихоокеанцах. Например, два коммуниста — сержант Гриша Скляр и лейтенант Григорий Иванович Железный, которые получили указание найти место для раненых в подземных укреплениях под высотой 171 или под другими высотами. Выполняя это задание, они нашли ход в подземелье, но, войдя туда, наткнулись на большую группу японцев-смертников, которые не хотели сдаваться. Завязался неравный бой, потому что японцев было человек сорок. У наших ребят из оружия были только автоматы и гранаты. После того как Гриша и Григорий Иванович забросали японцев гранатами, те прекратили сопротивление. В итоге 12 японцев были убиты, 28 взяты в плен.

Не могу не упомянуть и об Агасе Исааковиче Арджуманяне. Этот боец среди нас был великаном — здоровый парень, силач, ростом около 190 см. Если Арджуманян участвовал в соревнованиях по перетягиванию каната, то всегда побеждала та команда, на стороне которой он выступал.

Советские воины на о. Шумшу.
Август 1945 года

Курильский рубеж

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА КУРИЛЬСКОЙ ДЕСАНТНОЙ ОПЕРАЦИИ
ПОДПОЛКОВНИКА В ОТСТАВКЕ АПОЛЛОНА ПАВЛОВИЧА ПЕРМА

Участники боёв А. П. Перм (второй слева)
и П. В. Бабич (первый справа) у памятника морским десантникам.
(8 мая 1975 года)

Случай, о котором расскажу, произошёл во время второй танковой атаки, когда японцы хотели прорваться в наш тыл. На пути движения танков было место, где располагалась группа тяжелораненых моряков-тихоокеанцев. Одна японская машина стала быстро продвигаться к нашим бойцам. Агас Арджуманян лишь с автоматом в руках бросился на помощь. Он подполз к танку сбоку и большим камнем перебил гусеницу. Танк закрутился на месте, а Агас перестрелял из автомата танковый расчёт. Вдруг второй танк направился в сторону бойца. Арджуманян короткими перебежками пробрался в тыл танку, забрался на него и начал стучать по броне, чтобы, когда откроется люк, бросить туда гранату. Люк открылся, оттуда показался белый флаг, а затем в сторону Агаса прогремели два выстрела. Он вздрогнул, но остался жив. И тут раздался выстрел из третьего японского танка, и Агас упал замертво, сражённый осколками вражеского снаряда. Своими действиями Агас Арджуманян спас раненых бойцов, проявив храбрость, мужество и находчивость.

Расскажу и о матросе Вьюгове, который вместе со своим напарником во время второй танковой атаки подбил из противотанкового ружья танк. Парни ждали, когда танковый расчёт начнёт покидать машину. Люк открыл-

ся, оттуда выскочил офицер, побежал к траншее и упал в неё. И вот тогда Вьюгов, будучи физически очень развитым, пулей подскочил к этому самураю, схватил его за ноги, поднял и со всего маху ударил об танк. Потом вернулся к своему напарнику и сказал: «Какой плюгавый попался мне офицерик! И не так уж шибко я его стукнул, а он и дух испустил».

Все эти факты дают основание утверждать, что моряки нашего героического сводного батальона боролись с врагом, не жалея своих жизней. Я как один из руководителей этого батальона не могу назвать ни одного из бойцов, кто бы плохо воевал на Курилах. Все дрались как львы! Мне было очень приятно, что и я вложил в эту победу толику своего труда, опыта, знаний. Несколько лет подряд мы, политработники, проводили серьёзную воспитательную работу и значительно повысили боевой дух бойцов.

От имени всех участников войны на Курилах хочу сказать, что мы сделали всё, что могли, чтобы воссоединить Курилы с Родиной. А в целом наше поколение в ходе Великой Отечественной войны совершило такой героический подвиг, на который едва ли был способен какой-либо другой народ.

Вы, будущее поколение, не должны забывать тех, кто не вернулся с фронта, кто оказался искалечен-

ным, не должны забывать их семьи. Мы вечно будем славить героических людей, таких, как Николай Вилков, Пётр Ильичёв, бойцы-ладоинцы. Я это говорю от имени старшего поколения, прошедшего войну, и я уверен, что молодое поколение будет зорко беречь Отчизну от врагов. Молодёжь, будьте сильными и бдительными! Берегите Отчизну!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об объявлении 3 сентября
ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией

В ознаменование победы над Японией установить, что 3 сентября является днем всенародного торжества — ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией.

3 сентября считать нерабочим днем.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 2 сентября 1945 г.